

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Валерии Владиславовны Васильевой

«Мобильность и структурирование пространства у долган таймыро-якутского приграничья»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 07.00.07 (этнография, этнология, антропология)

Антропология (этнография) пространства и антропология (этнография) движения – направления, развивающиеся в западной науке уже не первое десятилетие. Считается, что их основы были заложены в «Других пространствах» Мишеля Фуко (“Des Espace Autres”, 1967) и «Производстве пространства» Анри Лефевра (“La Production de l'Espace”, 1974). Так называемый «пространственный поворот» (the Spatial Turn), порожденный этими работами сыграл большую роль в развитии общественных, исторических и филологических наук на западе, но почти полностью обошел стороной отечественную науку. Положение начало постепенно меняться фактически лишь после выхода в свет «Антропологии движения» А. В. Головнева (2009). За последние 10 лет антропологические исследования посвященные социально-культурному конструированию пространства, социальным и культурным основаниям и следствиям движения в нем, медленно набирали популярность в нашей стране творчески развивая и переосмысливая, но, что радостно, отнюдь не копируя западные образцы. Тем не менее можно, пожалуй, сказать, что отечественная антропология пространства и движения до сих пор делает лишь первые шаги и поэтому появление кандидатской диссертации по этой теме – явление очень отрадное, которое следует всячески приветствовать.

Тем более, что невозможно не заметить высокий научный уровень представленной работы. Представленный в реферате теоретический обзор по теме весьма широк и в нем нашлось место для всех основных работ по антропологии пространства, как отечественных, так и зарубежных, включая никогда не переводившиеся на русский язык. Несколько смущает, правда, что говоря об отечественных исследованиях в своем реферате, автор просто перечисляет их авторов, избегая ссылок на конкретные работы, в то время как разбор зарубежных исследований пестрит конкретными ссылками. Возможно причина – в желании сэкономить место и в уверенности автора, что читатель диссертации и реферата и так знаком с отечественной литературой. В любом случае, уровень обзора свидетельствует, что сама автор с этой литературой знакома хорошо. Кроме того, я не совсем согласен с утверждением автора (стр. 5 реферата), что антропология дорог представляет собой «антропологический подход к изучению мобильности». На мой взгляд, быстро развивающаяся сейчас на западе антропология дорог (автор диссертации дает неплохой обзор основных англоязычных публикаций по ней) скорее является частью антропологии инфраструктуры, а изучение мобильности является лишь одной из ее тем, причем едва ли основной: большая часть цитируемой автором реферата литературы, например, посвящена экономическому и социальному влиянию проектов постройки дорог, ожиданий от них местного населения и т. д., скорее чем их влиянию на мобильность. Впрочем, я согласен, что обращение к антропологии дорог в данной работе вполне оправдано, поскольку немалая ее часть посвящена анализу дорожной и транспортной инфраструктуры.

Хорошее знакомство с исследованиями по теме позволило автору весьма грамотно поставить цели и задачи работы и наметить ее исследовательский подход. Методологическую основу работы составили стандартные методы сбора (включенное наблюдение, интервью) и анализа (сравнительно-антропологический, типологический) качественных данных. Кроме них был использован метод картирования, который, благодаря школе А. В. Головнева, стал одной из отличительных особенностей отечественной этнографии пространства и движения. Очень жаль, что в методологической секции реферата он лишь упомянут и особенности и контексты его применения не разобраны. Из дальнейшего текста реферата ясно, что в основу картографирования лег анализ содержимого памяти GPS-навигаторов, принадлежащих информаторам, что имеет, на мой взгляд, смысл, но только если его результаты трактуются в контексте практик использования GPS-навигаторов тундровиками. К сожалению в реферате этот контекст не упомянут, хотя в самой работе он, вполне возможно, проанализирован.

Положения, выносимые на защиту в работе, четко сформулированы и имеют значительное теоретическое значение. Новизна работы хорошо описана, ее теоретическая и практическая значимость показаны. Степень апробации результатов работы значительно превышает обычно требуемую от соискателя степени кандидата наук: автор не только многократно выступала с докладами по теме диссертационного исследования на российских и международных конференциях, обсуждала положения работы на семинарах, но и опубликовала по своей теме 6 статей в журналах, зарегистрированных в базах данных SCOPUS и Web of Science, причем три из них – на английском языке.

Работа имеет логичную структуру. Ее первая глава посвящена описанию исследуемого сообщества – жителей долганского поселка Сындасско, анализу их идентичности и социальных связей, а также, учитывая тематику работы, описанию транспортной инфраструктуры в районе поселка. Вторая глава описывает историю развития практик мобильности, причем предложена классификация исторически изменяющихся комплексов таких практик (конstellаций мобильности) на «русскую» и «индигенную». Такое деление, конечно, достаточно условно (автор и сама это отмечает), но оно действительно позволяет автору создать целостную картину развития практик перемещения и, что еще более интересно, проследить и проанализировать случаи «компромиссных инфраструктур», когда приемы перемещения одной группы использовались как условия для перемещения другой. Понятие компромиссной инфраструктуры имеет, на мой взгляд, большой потенциал для анализа современных практик тундровой мобильности и за пределами Таймыра. Третья глава работы содержит детальный анализ практик обмена как «двигателя» мобильности (понимаемой автором в духе Джона Урри как «мобильность людей и вещей»). Следует отметить детальность и качество полевого материала, легшего в основу этой главы. Наконец четвертая и пятая глава посвящены, соответственно структурированию и репрезентации пространства жителями Сандыско и практикам перемещения в пространстве. Эти главы несомненно являются самыми интересными в поселке. Так в четвертой главе содержится попытка картографировать репрезентацию пространства как набор локаций разного вида и назначения, объединенные в группы отражающие определенные практики перемещения, и выявить различия таких репрезентаций у различных групп (например мужчин и женщин, возрастных групп, различных родственных групп). В пятой главе описаны практики перемещения и репрезентации, которые автор разделяет на следование визуально видимым тропам и путям (к числу которых относятся не только дороги, но и реки, одиночные следы и т. д.), и прокладывание новых путей. Несомненно, наблюдения, сделанные в этих двух

главах, представляют большую ценность. Нельзя, разумеется, сказать, что они совсем лишены недостатков. Так, на мой взгляд, эти главы могли бы сильно выиграть, если бы автор привлекла теоретические наработки, сделанные в когнитивной психологии и когнитивной географии. Так наблюдения сделанные в четвертой главе могут быть плодотворно поставлены в контекст многочисленных исследований по ментальным картам, а два вида практик выделенных в 5 главе фактически повторяют многократно обсуждавшиеся когнитивными психологами различия между "trail following" и "trail braking" как двумя основными методами пространственной навигации. С другой стороны, именно такой явный выход на междисциплинарность и является на мой взгляд лучшим показателем качества проведенных наблюдений и анализа. Заключение обобщает материал представленный в 5 главах и обосновывает защищаемые положения.

В целом, как можно судить по реферату работы, диссертационное исследование В. В. Васильевой выполнено на очень высоком уровне, отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание степени кандидата наук и обладает несомненной научной ценностью. У меня нет никаких сомнений, что В. В. Васильева заслуживает присвоения искомой степени кандидата наук по специальности 07.00.07.

8 февраля 2021 года.

К. В. Истомина,

к.и.н., старший научный сотрудник Отдела этнографии

Института языка, литературы и истории,

ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН»

Подпись	
заверяю.	
Документовед Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»	
« 08 » 02	2021 г.